

ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Родился я в герцогстве Пертин. В маленьком и ничем не примечательном местечке, на которое остальные жители Тристии даже не обращают внимания. Слово «пертин» имеет несколько значений, но все они происходят от названия цветов, которые растут на подветренной стороне склонов горной гряды, окружающей кольцом нашу местность. Цветы имеют довольно странный голубоватый оттенок, который поначалу кажется красивым, но постепенно на ум начинают приходить слова «скользкий», «сопливый» и, наконец, «тревожный». Есть ли целебные свойства у цветов пертина — неизвестно, но, если их съесть, тебя стошнит, да и пахнут они дурно, когда их срываешь. Говорят, что в далеком прошлом некий завоеватель все-таки решился сорвать цветок. Он приколот его к плащу и назвал землю, в которой впоследствии родился я, Пертин. Наверное, запахов не различал.

Но абсурд на этом не закончился. Городская стража, из которой во время войны формируется войско, носит табарды той же расцветки, что и цветы, украшающие родную землю. Потому их и прозвали пертинцами, ибо они, как и цветы, столь же бледные, скользкие и сопливые, да к тому же от них весьма дурно пахнет.

Я родился в земле со столь богатым наследием, потому что отец мой не только обитал всю жизнь в Пертине, но и служил в пертинской гвардии. Ни хорошим отцом, ни хорошим мужем он не был и понял это довольно быстро: когда мне исполнилось семь лет, он освободился от этой тягостной обязанности. Наверное, рано или

поздно отец нашел себе другую жену и завел еще детей, но я так и не удосужился об этом узнать.

Жизнеписцу из монастыря Святого Анласа, Помнящего мир, я заплатил кругленькую сумму, чтобы он всё это изложил, хотя сам я никогда не увижу его рукопись. Как им удастся расшифровать события в жизни человека на расстоянии, я не знаю. Одни говорят, что жизнеписцы умеют читать по нитям судьбы или проникают в разум, улавливая мысли человека и запечатлевая их на бумаге. Другие считают, что они просто всё придумывают, потому что к тому времени, как жизнеописание кто-нибудь прочитает, человек, скорее всего, будет уже мертв. Как бы там ни было, я надеюсь, что он хотя бы следующую часть истории передаст верно. Я хочу рассказать о двух случаях, разделенных двадцатью пятью годами жизни, и считаю, что оба они важны, поэтому постарайтесь быть внимательней.

История первая. Мне было восемь, я жил с матушкой на окраине городка, прямо у границы с соседним селением. Матушка часто посылала меня с поручениями, которые сейчас, по прошествии многих лет, кажутся несколько подозрительными. «Фалькио, — говорила она, — беги скорее в соседний город и принеси мне одну морковку. Только гляди, выбери самую крупную». Или, например: «Фалькио, беги в город и спроси посыльного, сколько будет стоить письмо твоему дедушке во Фралетту».

Не знаю, как там у вас, но у нас в Пертине отправить письмо в другой город вдоль по главному тракту стоит ровно столько же, как и пятьдесят лет тому назад. И что можно приготовить из одной морковки, я до сих пор в толк не возьму. Моей матушке нравилось, когда я надолго отлучался из дому, а я, в свою очередь, пользовался этим, чтобы завернуть лишний раз в трактир и послушать Бала Армидора. Бал, молодой странствующий сказитель, частенько заживал в наш городок. Состоятельным жителям Пертина он приносил новости о том, что происходит за пределами нашего герцогства. Почтенным согбенным старикам рассказывал о благочестивых деяниях святых. От сладостных песен о любви, которые он пел юным девам, рдели их щеки и вскипала кровь ухажеров. А мне... Мне он рассказывал легенды о плащеносцах.

— Хочешь узнать тайну, Фалькио? — спросил меня Бал как-то днем.

Посетителей в трактире еще не было, Бал настраивал гитару, готовясь к вечернему представлению. Трактирщик, ополаскивая немытые с вечера кружки, то и дело поглядывал на нас.

— Обещаю, я никому не расскажу, Бал, никогда, — ответил я, словно давая клятву. Голос мой задрожал, поэтому вышло не слишком торжественно.

Бал хмыкнул.

— В этом нет нужды, мой верный друг.

Вот и хорошо, потому что, полагаю, сейчас бы я эту клятву нарушил.

— А что за тайна, Бал?

Он посмотрел на меня поверх гитары, огляделся вокруг и помянул меня рукой. Говорил он шепотом, но таким, что голос его мог бы полететь на крыльях ветра и донестись до тебя даже за сотни миль.

— Помнишь, я рассказывал тебе о короле Агриде?

— Злом короле, который распустил плащеносцев и поклялся, что они больше никогда не воспользуются плащами и шпагами, чтобы помогать простым людям?

— Ага, а еще помнишь, Фалькио, — продолжил Бал, — что плащеносцы были не просто мастерами клинка, которые сражались с чудовищами и злодеями? Они были странствующими магистратами. Выслушивали жалобы людей, которые не могли обратиться в королевскую констабулярию, поскольку жили слишком далеко, и вершили правосудие от имени короля.

— Но Агрид их ненавидел, — сказал я, презирая себя за постыдные хныкающие нотки в голосе.

— Король Агрид близко сошелся с герцогами, — спокойно ответил Бал. — Они верили, что имеют право управлять своими землями как им вздумается и устанавливать свои законы. Не все короли соглашались с этим, но Агрид считал, что, пока герцоги платят сборы и подати, он не станет вмешиваться в то, что они вытворяют в своих землях.

— Всем известно, что герцоги — тираны, — начал я. Но тут, откуда ни возьмись, появилась рука Бала и отвесила мне затрепину.

— Никогда не смей так говорить, Фалькио, — сказал он ледяным голосом. — Ты меня понял?

Я хотел ответить, но не смог. Бал никогда раньше не поднимал на меня руку, и от этого неожиданного предательства мой язык примерз к небу. Спустя мгновение он отложил гитару и взял меня за плечи. Я съежился.

— Фалькио, — вздохнул он. — Ты знаешь, что бы случилось с тобой, если бы кто-то из герцогских слуг услышал, как ты называешь его господина тираном? Знаешь, что бы случилось со мной? Два слова, которых ты должен остерегаться и никогда не произносить вслух, это «тиран» и «предатель». Очень уж часто они идут рука об руку и несут ужасные последствия.

Я сделал вид, что не обращаю на него внимания, но, когда Бал убрал руки, я не смог сдержаться:

— Так в чем она?

— Что?

— Тайна. Ты обещал открыть мне тайну, а вместо этого ударил.

Бал не заметил упрека. Он снова перешел на заговорщический шепот и склонился ближе, словно ничего не произошло:

— Когда король Агрид издал указ, что плащеносцам больше не скакать по нашей земле, он сказал, что так будет всегда, верно?

Я кивнул.

— У короля Агрида был советник по имени Цеоло. Таинственный Цеоло — так его называли: некоторые верили, что он — великий мудрец и колдун.

— Я никогда не слышал о Цеоло, — восторженно прошептал я, позабыв уже о горящей щеке и уязвленной гордыне.

— Немногие слышали о нем, — ответил Бал. — Таинственным образом Цеоло исчез незадолго до смерти Агрида, и больше никто его не видел.

— Может, это он убил Агрида... Может, он...

Бал перебил меня:

— Даже не думай об этом, Фалькио. Начав, уже не сможешь остановиться, пока не свалишься от усталости. — Сказитель вновь огляделся: кроме нас и трактирщика, моющего стаканы в другом конце комнаты, никого не было. Не знаю, слышал ли хозяин трактира наш разговор, но он всегда держал ушки на макушке. — Что ж, говорят, что после того, как указ был зачитан вслух при дворе, Цеоло отвел короля в сторону и сказал: «Мой король, хоть вы —

господин всего и вся, а я — всего лишь ваш смиренный советник, но я знаю, что слово короля, каким бы могущественным оно ни было, переживет моего господина лишь на сотню лет». Агрид поглядел на него, рассерженный подобной неучтивостью, и вскричал: «Да что ты себе позволяешь, Цеоло?» Не шелохнувшись, Цеоло ответил: «Всего лишь говорю о том, мой король, что спустя сотню лет плащеноксы вновь будут странствовать по нашей земле, а ваши великие слова изгладятся из памяти».

Бал взглянул на меня, и искра сверкнула в его глазах — теперь, оглядываясь назад, я думаю, что это была слеза.

— Знаешь, сколько прошло с тех пор, как умер король Агрид? — спросил меня Бал. Я покачал головой, он наклонился еще ближе и прошептал прямо в ухо: — Почти сто лет.

Сердце затрепетало у меня в груди, словно молнии забушевали в крови. Я мог...

— Будь ты проклят, Бал, — взревел трактирщик на всю комнату. — Не забивай мальчишке голову этим дерьмом.

— Что вы имеете в виду? — спросил я и не узнал свой голос.

Трактирщик вышел из-за стойки.

— Этих проклятых плащеноксов никогда не было, нет и не будет. Это просто байки, которые рассказывают недовольные жизнью неудачники. Странствующие магистраты в кожаных плащах, которые дерутся на шпагах и выслушивают жалобы нищих крестьян и рабов? Чертовы сказки, парень. Такого и быть не могло.

От того, с какой легкостью он опроверг существование плащеноксов, я вдруг почувствовал себя ничтожным и пустым, словно наша жалкая хибара, наполненная лишь пустыми мечтами мальчишки и бесплодными надеждами одинокой женщины, которая холодными зимними вечерами все еще глядит в окно в ожидании давно бросившего ее мужа. Бал попытался возразить трактирщику, но я перебил его:

— Вы врете... врете! Плащеноксы были и делали всё, что о них рассказывают. Глупый грязный король Агрид запретил их, но Цеоло знал! Он сказал, что в один прекрасный день они вернуться. И они вернуться!

Я бросился к двери, пока меня кто-нибудь снова не ударил, но остановился и, обернувшись, прижал кулак к сердцу.

— И я стану одним из них! — сказал я. И на сей раз это действительно прозвучало как клятва.

Вторая история, которую я должен вам рассказать, произошла два года назад в Шеверане, крупном торговом городе на юге Тристии. Все началось с женского крика:

— Чудовище! Отдай мою дочь!

Женщине было около тридцати, как и мне, у нее черные волосы и голубые глаза, такие же как у девочки, которую я нес на руках. Наверное, женщину считали даже красоткой, когда она молчала.

— Мама, что случилось? — спросила девочка.

Я увидел малютку, когда она упала с разбегу, зацепившись ногой за прилавок торговца фруктами на углу улицы. Глаза ее были исполнены ужаса: она сказала мне, что за ней гнался человек в рыцарских доспехах, но, когда я оглянулся, тот уже скрылся в толпе. Я взял девочку на руки и отнес домой; жила она недалеко, но все время путалась и забывала дорогу.

— Она ушибла лодыжку, — сказал я, стряхивая капли дождя с волос, чтобы они не заливали глаза. В Шеверане всегда идет дождь.

Мать девочки вбежала в дом — я подумал, что она хочет принести полотенце, но вернулась женщина с длинным кухонным ножом.

— Отдай сейчас же мою дочь, шкурник! — закричала она.

— Мамочка! — крикнула девочка мне прямо в ухо.

В этой истории все много кричали. Так что лучше к этому сразу привыкнуть.

— Говорю вам, девочка ушиблась, — сказал я. — Будьте так добры, позвольте войти, чтобы я мог спустить ее на пол. После этого можете попробовать зарезать меня, если хотите.

Женщина решила, что я пытаюсь ее обмануть, и стала звать на помощь.

— Драная шкура! Караул! Помогите! Шкурник схватил мою дочь!

— О святой Загев, Вызывающий слезы песней! — взмолился я. — Просто позвольте мне спустить малышку на пол.

На помощь ей никто не пришел; женщина с опаской оглядела меня, а затем отступила назад, пропуская в дом, но нож все еще держала наготове. За себя я не беспокоился: плащ делал меня неуязвимым для ножа, но в пылу борьбы женщина могла бы покалечить собственную дочь.

В главной комнате стояла небольшая лежанка. Я уложил на нее девочку, но малышка тут же вскочила и скорчила гримасу, коснувшись больной ногой пола.

Женщина подбежала к ней, сжала в объятиях, потом отодвинулась и принялась трясти и осматривать дюйм за дюймом.

— Что вы с ней сделали?

— Всего лишь помог встать, когда она упала, принес сюда и выслушал ваши крики. Больше ничего.

Девочка поглядела на нас.

— Это правда, мамочка. За мной погнался рыцарь, а этот дяденька мне помог.

Мать посмотрела на меня, затем на нож, все еще разделявший нас.

— Милая Беатта, глупышка, рыцарь бы никогда не причинил тебе зла. Скорее всего, он пытался защитить тебя.

Беатта насупилась.

— Это просто смешно, — сказал я. — Я собирался купить яблоко у торговца фруктами, когда...

В этот миг в дом вбежали двое мужчин и мальчик лет двенадцати.

— Святые угодники! Мерна, что случилось? — спросил тот, что был выше.

Все трое походили друг на друга — темно-русые волосы, квадратная челюсть, коричневая мешковатая одежда. Мужчины вооружились молотками, мальчик сжимал в руке булыжник.

— Шкурник схватил мою дочь! — заявила Мерна.

Я поднял перед собой руки, словно говоря: пожалуйста, не нападайте на меня.

— Это недоразумение, я...

— Недоразумение, ладно. — Мужчина шагнул вперед. — Думаешь, мы здесь рады шкурникам, которые приходят сюда и нападают на наших женщин?

— Да уж, — подтвердил другой. — Слуги дохлого тирана нам тут не нужны, шкурник.

Несмотря на мое желание развеять напряжение, я вдруг обнаружил, что держу в правой руке рапиру и ее острие находится у самой шеи работяги.

— Назови короля еще раз этим словом, друг мой, и молоток тебе не поможет.

Мерна пыталась закрыть своим телом Беатту, но девочка все-таки высунула голову.

— Почему вы его так зовете? Кто такой шкурник?

— Шкурник — это драная шкура, — процедила Мерна. — Так называемый магистрат кровавого короля Пэлиса.

— Вернее, наемный убийца, — заметил высокий. — Нужно задержать его и послать Тая за констеблями.

— Послушайте, — сказал я. — Я пришел сюда, потому что девочка повредила ногу. Она была напугана и считала, что ей угрожает опасность. Теперь она дома с вами, поэтому просто дайте мне уйти.

Вид рапиры убедил работяг в разумности моего предложения, и они начали понемногу расступаться, чтобы позволить мне пройти.

— Погодите, — остановила меня малышка.

— Что такое, Беатта? — спросила женщина.

— Я обещала ему, что разделю с ним ужин. Он уронил яблоко, когда нагнулся, чтобы помочь мне, и я сказала, что поделюсь с ним едой.

— Не стоит волноваться, — возразил я. — Я не...

К моему удивлению, мать девочки поднялась с лежанки и сказала:

— Обождите.

Оба мужчины и мальчик старательно делали вид, что удерживают меня на месте, хотя решительно ничего подобного не происходило.

— Почему вы зовете его шкурником? — снова спросила Беатта, обращаясь к мужчинам.

На этот раз ответил мальчик:

— Это значит, что он — драная шкура. Себя шкурники называют плащеносцами, и считается, что, пока они хранят честь, их плащи никогда не изнаются и не порвутся.

— Только чести у них отродясь не было, — отозвался невысокий.

— Потому что они служили тирану Пэлису? — спросила Беатта.

— Да уж, эти ублюдки чинили препятствия законному правлению герцогов. Но не поэтому их называют «драными шкурами», детка. Когда герцоги возглавили войско, чтобы положить конец правлению тирана, эти так называемые плащеносцы бросили своего короля и сбежали, чтобы спасти собственные шкуры.

— Но если король был плохой, то разве они не правильно сделали, что сбежали? — спросила девочка.

Тут вернулась из кухни ее мать, торопливо засовывая в полотняный мешочек яблоко и кусок сыра.

— Нет, милая. Видишь ли, рыцари учат нас тому, что для любого человека хранить свою честь — значит верно служить своему господину. Эти предатели даже на такое не способны. Поэтому мы и зовем их шкурниками, драными шкурами, потому что их плащи насквозь в дырах, как и их честь.

— Оставьте еду себе, — сказал я. — У меня что-то пропал аппетит.

— Нет! — Женщина загородила мне выход и протянула мешочек. — Я хочу, чтобы моя дочь научилась понимать, что хорошо, а что нет. Она пообещала поделиться с вами едой, и вы ее получите. Я не собираюсь оставаться в долгу перед предателем.

Я поглядел на нее, потом на мужчин.

— А что насчет того человека?

— Какого человека?

— Рыцаря. Того самого, что гнался за ней. Что, если он найдет ее?

Мерна расхохоталась на удивление неприятным смехом.

— Можно подумать, что рыцарь на службе у герцога способен причинить вред ребенку! Если он там и был, то, скорее всего, увидел, как вы следили за девочкой, и хотел защитить ее. — Она посмотрела на дочь. — Беатта — глупышка. Она всё напутала.

Я был обеспокоен происшедшим на рынке. Вряд ли девочка напутала, не в силах понять, гнался за ней рыцарь или нет. Я даже представить не мог, зачем он преследовал Беатту, но и рисковать тоже не хотел. Поэтому повернулся к девочке.

— Беатта, ты все еще боишься рыцаря? Хочешь, чтобы я сегодня ночью посторожил твой дом на случай, если он снова придет сюда?

Мужчина попытался возразить, но Мерна подняла руку.

— Беатта, милая, скажи этому шкурнику, что нам не нужна его помощь.

Беатта поглядела на мать, потом на меня. И сказала с невинной жестокостью ребенка:

— Пошел прочь, грязная драная шкура. Ты нам тут не нужен. Злой король Пэлис был глупой свиньей, он сдох, и, надеюсь, ты тоже скоро умрешь.

Малышка, скорее всего, даже не видела короля Пэлиса живьем.

Герцоги окончательно победили, история усыпана свидетельствами их торжества. Даже если кто-то и охотится за девочкой, что я могу сделать? Орден плащеносцев с позором распущен, а эти люди скорее предпочтут, чтобы их дитя погибло от руки рыцаря, чем было спасено шкурником.

Я протянул руку и взял у женщины мешочек с едой только затем, чтобы поскорее убраться отсюда. Выйдя, я пошел прочь от их дома.

Спустя несколько дней, уже на пути из города, я под покровом ночи вновь прошел мимо дома Беатты. Знал, что мне придется дорого заплатить, если кто-то меня заметит, но чувствовал непреодолимое желание сделать это. В доме было темно, но на одном окне я заметил изображение птицы, нарисованное красной краской. В Шеверане это значило, что пропал ребенок.

ГОРОД СОЛАТ

Кпадению из окна второго этажа гостиницы я оказался не готов. Кест нечеловечески ловок: он, наверное, смог бы рухнуть со шпиля самой высокой башни и при этом ничего себе не повредить. Брасти невероятно удачлив, поэтому он приземлился точнехонько на широкий навес над задним входом, а потом просто съехал по нему на мощный камень дворик. Я не был ни достаточно гибким, ни везучим, поэтому просто рухнул вниз. Как мешок картошки.

Пока я поднимался, перед нами как из-под земли выросли восемь человек, вооруженных пиками. Ненавижу пики почти так же сильно, как магию. Мощные двенадцатифутовые древки с укрепленными острыми наконечниками из железа. Пикой можно остановить даже рыцаря в доспехах, скачущего на боевой лошади. В то же самое время это простое оружие подходит даже для новичков. И чем больше у вас пикинеров, тем проще будет расправиться с целым отрядом фехтовальщиков, независимо от уровня их мастерства.

Но меня это не слишком беспокоило. Беспокоило то, что я не слышу колокольного звона. Обычно в Солате констебли патрулируют улицы парами: это сделано для того, чтобы в случае опасности констебль мог побежать к одному из множества колоколов, установленных в разных частях города, и позвать подмогу. Существует код, и каждому кварталу соответствует определенное число колокольных ударов, так что подкрепление точно знает, куда нужно бежать. Но я до сих пор не услышал колокольного звона и начал подозревать, что констебли целенаправленно пришли за нами.

— Восемь с пиками здесь, еще двое с арбалетами наверху, — сказал Кест, доставая шпагу из ножен. — Кажется, это ловушка.

— Постарайся хоть немного скрыть свою радость, Кест, — отозвался Брасти, с тоской глядя в другой конец двора, где находился его лук, притороченный к седлу лошади.

— Вы отсюда не выберетесь. — Стоявший напротив него констебль улыбнулся так широко, что у него даже шлем немного сполз.

Брасти оскалился и нехотя вытащил шпагу.

Сверху раздался голос:

— Пики или арбалеты? Что вам больше нравится, шкурники?

Я взглянул наверх на человека, который высунулся из окна спальни Тремонди. На вороте его кожаного доспеха сиял золотой кружок. Старший констебль.

— Если опустите шпаги, я обещаю вам относительно легкую смерть, — сказал он. — Отнесусь к вам с бóльшим уважением, чем вы отнеслись к лорду Тремонди.

— Неужели вы верите в то, что это мы убили Тремонди? — крикнул я в ответ.

— Конечно. Тут же собственной кровью лорда-предводителя на стене написано — «плащеносцы».

— Святой Фельсан, Взвесивший мир! — выругался я. — Какого черта нам убивать своего хозяина?

Старший констебль пожал плечами.

— Кто вас разберет? Разве вы, шкурники, не ищете повода отомстить за смерть короля Пэлиса? Может, Тремонди поддержал герцогов, когда они свергли вашего короля? А может, еще проще: он застал вас за воровством денег, и вы убили лорда, чтобы никто не узнал, что так называемые плащеносцы превратились в разбойников и грабителей.

— Только его деньги до сих пор лежат рядом с телом, — крикнул Брасти, нехорошо взглянув на меня.

— Гм-м... Понятия не имею, о чем ты говоришь, шкурник, — сказал старший констебль. — Тут никаких денег нет, совсем никаких.

Стоявшие напротив загоготали. Очевидно, воровство считалось в Солате преступлением лишь в тех случаях, когда этим занимались не констебли, а кто-то другой.

— Опять ты за свое, Фалькио, — тихо сказал Кест.

— Ты о чем?

— Говоришь вместо того, чтобы драться.

Я обнажил рапиру и поднял воротник плаща, надеясь, что костяные пластинки, подшитые снизу, защитят шею. Кест прав: больше говорить не о чем, ничто не поможет.

— Какие у нас шансы? — спросил я его.

— Мы победим, — ответил Кест. — Но меня, наверное, ранят в спину. В тебя попадет арбалетный болт, и ты, скорее всего, умрешь. Брасти добьет один из пикинеров, после того как они прорвут его слабую оборону.

— Как же приятно драться с тобой бок о бок, Кест, — съязвил Брасти, крепче сжимая эфес. — Тебе уже об этом говорили?

Кест лишь повел плечами, готовясь к атаке.

— Я-то тут при чем? Это они собираются тебя убить.

Брасти резанул меня взглядом, и я понял, что констеблей он винить не намерен.

— Полагаю, что лучшего плана, чем умереть, у тебя нет? — спросил он и встал в защитную стойку, почти прижимая к себе гарду.

— Конечно, есть, — ответил я. — Мы их научим первому правилу клинка.

Охранник, стоявший ближе всего к Кесту, судорожно сжал пику, готовясь к атаке, и с ухмылкой спросил:

— И что это за правило, драная шкура? Ляг и сдохни, как делают предатели?

Он был крупным парнем, мускулистым и широкоплечим, как и положено пикинеру.

— Нет, — отозвался Кест. — Первое правило клинка — это...

Он не успел договорить, потому что охранник ткнул в него пикой со скоростью пули, вылетающей из дула пистоля.

— ...втыкай острый конец в другого парня, — закончил Кест.

Никто из нас не успел ни двинуться, ни слова вымолвить. Все произошло так быстро, что мы успели заметить лишь результат схватки.левой рукой Кест оттолкнул древко пики, отвел от себя удар, и наконечник оказался далеко за его спиной. Он бросил тело вперед в изящном выпаде, и шпага вошла в живот констебля не меньше чем на шесть дюймов. С нежностью, почти неприличной для подобного случая, Кест извлек клинок из тела стражника, и оно мешком рухнуло на землю.

Констебли, стоявшие перед нами, выглядели настолько потрясенными, что на миг, очень краткий миг, я даже подумал, что они сейчас сбегут. А затем услышал резкий металлический звук выпущенного арбалетного болта и почувствовал удар в спину. По телу поползла боль, и я возблагодарил святого Загева, Вызывающего слезы песней, за костяные пластинки, которые не дали пронзить тело. Но боль была адская.

— Проклятые плащи, — раздалось из окна на втором этаже.

— Под навес! — крикнул я, и мы трое приняли защитную стойку под широким тканым навесом, который прикрывал вход в трактир с заднего двора.

— Он не остановит арбалетные болты, — заметил Брасти.

— Знаю, но целиться будет сложнее.

Два констебля рядом со мной принялись тыкать пиками. Тот, что стоял слева, походил на мелкого злого хорька. Крупный парень справа напоминал медведя. Я отбил удар пики Хорька, свободной рукой схватился за древко и через секунду махнул клинком, чтобы заблокировать удар Медведя. Хорек рванул пику на себя, но я крепко стоял на ногах, да и весил больше, поэтому у него ничего не вышло. Я бы получил гораздо больше удовольствия от гримасы разочарования на его лице, если бы рядом с моим ухом не пролетел арбалетный болт и не вонзился в землю прямо между нами. Воспользовавшись их недолговременным замешательством, я нажал на древко пики Медведя эфесом рапиры, а затем наступил на него, пригвоздив наконечник к земле. Хорек попытался еще раз вырвать свою пику — я подскочил к ним обоим, его рывок помог мне направить рапиру в горло Медведя. Крупный парень рухнул на землю, сползая с моего клинка, я ткнул острием в плечо Хорька, и он с громким воплем тоже упал.

Очередной болт заставил меня ретироваться под сомнительную защиту навеса, и я смог оглядеться и понять, что меня ждет. К счастью, ближайшие охранники теперь побаивались подходить, и я воспользовался их замешательством, чтобы посмотреть, как идут дела у Брасти. За Кеста я даже не беспокоился: наблюдая за тем, как он дерется, я чувствую себя неуклюжим подростком во время первого поцелуя.

Брасти пытался отделаться от констеблей, но ему не хватало места для маневра — однако выскальзывать из-под навеса и превращаться в легкую добычу арбалетчиков он тоже не собирался.

— Проклятие, Фалькио! Это твоя вина, — рыкнул он.

— Если ты умрешь прямо сейчас, Брасти, то я прикажу Кесту рассказывать всем и каждому, что ты умер нищим, что тебя все ненавидели и что любовник ты был никудышный.

— Ты же знаешь, что я не могу драться с пиками этой штуковинной, — крикнул в ответ Брасти, неловко размахивая перед собой шпагой. Он был неплохим фехтовальщиком, учитывая, что почти никогда не упражнялся, но драться с двумя-тремя пикинерами одновременно совсем не просто. Конечно, будь у него лук, дело пошло бы совсем по-другому.

— Кест! — крикнул я. — Прикрой-ка Брасти.

Кест посмотрел искоса, одновременно парируя бешеную атаку констебля: он меня понял.

— Арбалеты, Фалькио, — напомнил он, уйдя от лобового нападения и встав бок о бок с Брасти.

«Черт побери, — подумал я, — он прав». Если Брасти бросится к лошадям, то арбалетчики со второго этажа тут же начнут целиться в него. Значит, нужно найти для них более привлекательную цель.

— Отлично. Действуй! Сейчас!

Я вытащил из рукава спрятанный там кинжал, вышел из-под навеса и метнул его в старшего констебля, наблюдающего за боем со второго этажа. Клинок вошел в подоконник, не долетев шести дюймов до его лица, и я выругался, проклиная святого, который не помог мне лучше прицелиться.

Старший констебль был закаленным в боях воином: не обращая внимания на кинжал, он навел на меня арбалет. Я прыгнул влево как раз вовремя: болт вонзился в землю прямо между ног. Без всяких колебаний старший отложил свой арбалет и взял заряженный у другого охранника, но тут же поменял прицел. Наверное, кто-то другой привлек его внимание. Брасти!

Я метнул в констебля еще один кинжал, пытаюсь дать понять, что представляю более серьезную угрозу. И в этот раз у меня получилось лучше, чем в первый: кинжал угодил в плечо. К моему несчастью, констебль покачнулся, но выстрелил. Пришлось расстегнуть плащ и достать дополнительные кинжалы. Наверное, уда-

ча, отмеренная мне богами и святыми, закончилась, потому что шальной болт угодил мне прямо в незащищенное бедро.

— Ага, я попал в тебя, драный ублюдок! — взревел старший констебль и рухнул на руки своих товарищей в спальне Тремонди.

За спиной раздался вопль — шипя от боли, простреливающей всю ногу, я оглянулся и увидел, что один из оставшихся еще в живых констеблей направил пику прямо мне в грудь и собирается убить меня. Я махнул клинком, зная, что не успею отразить удар, но тут его шею пронзила стрела. Он упал на землю прямо у моих ног — я оглянулся, не атакует ли кто меня, но нападавших больше не было. Рядом с Хорьком и Медведем, которых я убил, лежали двое, пронзенные стрелами. Остальные трое пали мертвыми или ранеными от шпаги Кеста.

— Арбалетчики прекратили стрелять, — сказал он, выходя из-под навеса.

— Значит, бегут сюда. Пора уходить.

— Фалькио, отличная была мысль прикрыть Брасти, чтобы он смог достать свой лук. Я об этом даже не подумал.

Я оперся рукой о его плечо, пытаюсь как можно меньше ступить на раненую ногу.

— Кест, ты действительно считаешь, что самый лучший исход боя — это когда все, кроме тебя, погибают? В следующий раз, пожалуйста, постарайся придумать что-нибудь получше.

Мы встретились с Брасти в конце двора, и я возблагодарил святого Шьюлла, Купающегося со зверями, за то, что наших лошадей не задели во время боя. Пока Брасти собирал стрелы, я размышлял над тем, кто нас подставил.

— Боги, Кест, с каких это пор нас стало так легко подозревать в самом худшем?

— Времена изменились, Фалькио, — ответил он и показал на что-то за моей спиной.

Я оглянулся и увидел Брасти, держащего стрелы одной рукой и обыскивающего тела павших другой.

— Брасти, прекрати грабить констеблей! — крикнул я.

Он взглянул угрюмо, но тут же прекратил свое занятие и подбежал к лошади.

— Да я и не собирался ничего брать у этих милых людей, которые просто добросовестно выполняли свою работу и собирались

убить нас, — проворчал он, вскакивая на свою гнедую кобылу. — Потому что это было бы не просто бесчестно, это было бы, о боги и святые, невежливо!

— Интересно, — сказал Кест, взяв повод и пытаясь развернуть лошадь.

— Что? — спросил Брасти.

Кест кивнул в мою сторону.

— Я только что заметил, что он слишком много говорит перед дракой, а ты — после. Интересно почему?

Он дал лошади шенкелей и припустил вниз по улице, Брасти последовал за ним. Я оглянулся на лежащих на земле и подумал, сколько еще продержатся плащеноксы, пока окончательно не превратятся в тех, кем люди нас давным-давно считают, — в шкурников.

В мире есть два самых отвратительных ощущения. Второе — это когда вдруг понимаешь, что сейчас придется драться за свою жизнь. Мышцы сразу же деревенеют, начинаешь потеть и дурно пахнуть (к счастью, в такой момент этого никто не замечает), а желудок скручивается узлом и падает куда-то вниз.

А первое из самых отвратительных ощущений — это то, когда ты осознаёшь, что драка уже закончилась. Мышцы расслабляются, голова раскалывается, ты продолжаешь потеть, ну и дурно пахнуть, куда ж без этого. А напоследок ты вдруг замечаешь, что из бедра у тебя торчит арбалетный болт. Именно из-за него нам пришлось остановиться.

— Нужно его вытащить, — глубокомысленно сказал Брасти, глядя сверху вниз с крыши, где он отслеживал, не идут ли за нами констебли.

Я мог бы убить его, но для этого моему телу пришлось бы проделать весь цикл заново, а от меня, честно говоря, и так уже пахло хуже некуда. Мы остановились у развилки в переулке и решили немного передохнуть. Лошадям не слишком нравилось на полной скорости огибать углы домов по брусчатке, да и с раной на ноге нужно было разобраться.

Кест посмотрел на меня.

— Как обычно, удар-рывок-затрещина?

Я вздохнул.

— Полагаю, у нас нет времени, чтобы найти лекаря?

Брасти слез с крыши ближайшего дома.

— Они пошли по дворам. Похоже, парни не слишком стремятся нас найти, но их главный, старший констебль, тот, что тебя подстрелил, гоняет их в три шеи. В общем, через несколько минут они сюда доберутся.

Проклятье.

— Значит, удар-рывок-затрещина, — согласился я, заранее содрогаясь от того, что меня ждет. — Только в этот раз бей сильнее, Брасти.

Кест полил водой рану, заставив меня зашипеть от боли.

— Ты только в этот раз не кричи, — предупредил Брасти. — Мы же не хотим, чтобы нас поймали.

Пока я молился святому Загеву, Вызывающему слезы песней, чтобы он спустился хотя бы разок и познакомился с моим добрым другом Брасти, Кест крепко ухватился за древко и кивнул напарнику.

Прием «удар-рывок-затрещина» изобрели мы втроем какое-то время тому назад. Получив множество ранений, ты начинаешь понимать, что тело не может чувствовать боль в разных местах одновременно. Например, если у тебя болит зуб и вдруг кто-то бьет тебя в живот, то ты сразу же забываешь о зубной боли.

В общем, работает это так: Брасти бьет меня кулаком в лицо, Кест в это время вытаскивает стрелу из ноги, и потом Брасти дает мне еще одну затрещину, такую, чтобы мозг не успел отреагировать на боль в ноге и я не заорал благим матом.

Я все-таки заорал.

— Тс-с-с! Тише, Фалькио, — прошептал Брасти, маша пятерней перед моим лицом. — Они нас могут услышать. Крепись!

— Я же просил бить сильнее! — возмутился я; перед глазами все еще плавали звездочки.

— Сильнее с этого угла не смог: Кест мне помешал.

— Ты бьешь как девчонка.

Кест перестал бинтовать мне ногу и сказал:

— Почти треть плащеносцев короля Пэлиса были женщинами. Многих из них ты сам обучил. По-твоему, они плохо дрались?

Всё так и есть, но в тот момент мне было не до семантики.

— Они дрались как разъяренные чертовы святые. А Брасти дерется как девчонка, — проворчал я, придерживая край бинта, пока Кест накладывал на рану еще один кусок ткани.

— Ну что, полагаю, теперь отправимся в Бэрн? — спросил Брасти.

Я поднялся. После перевязки нога болела гораздо меньше: теперь боль была не жгучей, а дергающей.

— Либо так, либо останемся здесь и поучим тебя, чтобы ты больше не дрался как девчонка.

— Фалькио, если ты еще раз это повторишь, я тебя сам ударю, — пообещал Кест.

— Это просто фраза такая. «Дерешься как девчонка». Все так говорят. Смешно же.

Он передал мне рапиру и сказал:

— Не смешно. Это звучит абсурдно.

— Смешно именно потому, что абсурдно, — упорствовал я.

Брасти хлопнул меня по плечу.

— Не обращай на него внимания, Фалькио. Он утратил чувство юмора в тот день, когда научился махать клинком.

Странно, но Брасти оказался абсолютно прав, хоть и сам не догадывался об этом.